
ЛЮДМИЛА ЖИВКОВА – ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ И ПОДВИЖНИК¹

В то время, когда один полагает душу за мир, другой сидит на воде. Когда один посылает сердце свое во спасение ближних, другой утопает в явлениях тонкого мира. Подвижники великого служения не имеют психизма, ибо они устремлены духом к Иерархии, и сердце их звучит на боль мира.

Е.И.Рерих

Зазвонил телефон, я сняла трубку и услышала женский голос с легким акцентом, но каким, сразу не поняла.

– Здравствуйте, Людмила Васильевна. Говорит Людмила Тодоровна Живкова.

– Кто? – переспросила я.

– Живкова Людмила Тодоровна, – повторили в трубке. – Мне ваш телефон дал Святослав Николаевич Рерих. Я сейчас нахожусь в Москве. Мой самолет улетает через два часа, и я до этого хотела бы с вами встретиться.

Час встречи совпадал с началом моей лекции в университете, и я объяснила Людмиле Тодоровне, что не смогу к ней приехать в назначенное время. Она не обиделась и сказала, что в Москве бывает часто и мы сможем встретиться в следующий ее приезд.

Но следующий ее приезд в Москву так и не состоялся. Месяца через два (за точность не ручаюсь) пришло известие, что Людмила Тодоровна скончалась. Мне было очень трудно в это поверить. Она не дожила до 40 лет. Потом поползли слухи, что все случилось при загадочных обстоятельствах и сама смерть, возможно, была насильственной. Шел 1981 год.

А до этого, в 1980 году, я, прервав свое путешествие по гималайскому маршруту Центрально-Азиатской экспедиции Николая Константиновича Рериха, приехала в Бангалор к Святославу Николаевичу, чтобы уточнить с ним сиккимскую часть маршрута. Мы много беседовали об экспедиции, и в один из последних дней он неожиданно заговорил о Живковой.

Людмила Тодоровна Живкова, дочь руководителя Болгарской Коммунистической партии Тодора Живкова, член Политбюро ЦК этой партии, председатель Комитета культуры Болгарии, иными словами, министр культуры, в середине 70-х годов сама отыскала Святослава Николаевича Рериха, приехала к нему, познакомилась и с тех

¹ Очерк посвящен Людмиле Тодоровне Живковой (1942–1981). Опул.: Шапошникова Л.В. Держава Рерихов. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, Мастер-Банк, 2006. С. 503–513.

пор стала преданной последовательницей идей Рерихов и той философской системы, которую мы называем Живой Этикой. У Святослава Николаевича установились с Болгарией тесные связи на самом высоком правительственном уровне. Он провел там несколько выставок, своих и Николая Константиновича, участвовал в важнейших культурных программах и удостоился ряда наград.

– Людмила Тодоровна, – сказал мне тогда Святослав Николаевич, – единственный в XX веке государственный деятель, кто воспринял очень глубоко Живую Этику и увидел в ней огромные возможности для усовершенствования государственного строя и одухотворения этого строя Культурой и высокой философской мыслью. Она очень хорошо понимает, что государство должно строиться и жить по законам Красоты. Но ей очень трудно, и не только трудно, но и опасно.

– Почему опасно? – удивилась я.

– Те, кто сейчас у власти и в России, и в Болгарии, руководствуются определенной идеологией, и не отдадут эту власть просто так, и не смирятся с новой и непонятной им философией.

Я не могла не согласиться с этим. К тому времени я уже знала, что в советских кругах высокопоставленных чиновников активно не любили Живкову, называли ее чудаковатой, не совсем нормальной и живущей выдумками и фантазиями. Но так оценивали Живкову не только в нашей стране. Те, кто близко стояли к самому Т.Живкову, не стеснясь, говорили почти то же самое. Людмилу Тодоровну окружали люди откровенно враждебно настроенные к ней, к ее замыслам и идеям.

Теперь, когда прошло много лет с того памятного звонка, я все больше и больше сожалею, что наша встреча не состоялась. Не состоялась по моей вине. Занятая событиями вяло текущей тогдашней жизни, какими-то иллюзорными, а подчас ненужными обязательствами, сопровождаемыми извечной нехваткой времени, я так и не смогла понять, что именно в тот день меня позвало, не разглядела уникальности и величия жизни, прозвучавшей в какой-то момент в телефонной трубке, а потом замолкшей навсегда.

Обстоятельства внешней жизни Живковой как никогда противоречили тому, с чем она пришла. Ее сознательная жизнь проходила в социалистической Болгарии, в доме руководителя Болгарской Коммунистической партии, со всеми вытекающими из этого последствиями. Она успешно окончила исторический факультет Софийского университета, затем аспирантуру и, став кандидатом исторических наук, начала свою научную карьеру в Институте балканистики Болгарской академии наук. И о том, что с ней что-то все-таки происходило, свидетельствовали лишь ее научные труды. Ее разворачивало как бы в другую сторону от традиционных сюжетов исследования, принятых в социалистической стране. Первая ее монография, изданная в 1971 году, называлась «Англо-турецкие отношения 1933–1939 годов». Вторая была уже совсем другой и свидетельствовала об интересе к древней культуре – «Казанлыкская гробница» (1974). И, наконец, последняя – «Четвероевангелие царя Ивана-Александра» (1976), была явным поворотом в сторону фундаментальных духовных проблем. В это же время она начала заниматься вопросами культуры на государственном уровне, и в ее жизни возникла Живая Этика, которую она приняла безоговорочно и бесповоротно, как единственное руководство в ее непростой жизни.

Я ничего не могу сказать об ее отце, Тодоре Живкове, мне неизвестна ни его позиция по отношению к Живой Этике, ни официальное отношение к деятельности дочери. Вполне возможно, что сам Живков не придавал этой деятельности особого значения. Но его окружение вело себя иначе. Число ее врагов росло быстрее, чем единомышленников. Было ли это известно самой Живковой? Безусловно, да. Она прекрасно осознавала, в каком государстве живет, кому принадлежит власть и за какие идеалы власти предрержащие борются.

И Людмиле Живковой пришлось много думать и работать над тем, как ввести Живую Этику в государственный оборот, не задевая основ, которыми дорожили те, чьи взгляды были несовместимы с мировоззрением Живой Этики и ее построениями. Соединение двух различных систем было весьма опасным делом, это был путь по лезвию бритвы. Она не могла нарушить традиции господствующей идеологии без риска быть отстраненной от власти, подвергнуть опасности свое положение, которое давало ей возможность хотя бы в ограниченных рамках делать то, что она считала нужным, проводить то, что ей казалось необходимым и без чего она уже не представляла себе государственной политики и государственных задач Болгарии. Старые приверженцы Живой Этики обвиняли ее в том, что она ставит учение Рерихов под красные знамена и соединяет несоединимое. Но у нее не было другой возможности. Она понимала, что и такая попытка может кончиться, как говорят, костром или крестом. Она знала, что дрова уже приготовлены и где-то совсем близко высится ее, Живковой, Голгофа. Возможно, в силу ее высокого положения и могущества ее отца ей предоставят выбор, и она стремилась отодвинуть срок неизбежного выбора не потому, что боялась «костра» или «креста», а потому, что, пользуясь властным положением, выпавшим на ее долю, хотела успеть донести до людей, чьи сердца были омерщвлены отжившей идеологией, как можно больше идей, в которых были заключены истина и свет, столь необходимые для будущего созидания. Свет Красоты, свет Культуры, свет Любви. Она не была ни проповедником, ни миссионером. Она являлась творцом и подвижником, стремившимся то, что однажды ей открылось, внедрить в жизнь, в ту область, в которой она имела власть и которая еще ей подчинялась. В отличие от других государственных чиновников, которые думали одно, а делали другое, боясь потерять престижное теплое место или денежную должность, она не скрывала своего инакомыслия.

Она наметила концепцию обширной национальной программы эстетического воспитания, которую предложила Центральному комитету БКП и правительству Болгарии. В основу этой программы она положила тот закон Красоты, который теперь считала основой жизни и эволюции человечества. Она смело и бескомпромиссно ввела совершенно новые понятия в партийную идеологию, такие как эстетическое воспитание, эстетическая сфера, эстетические взаимоотношения. Ни одно государство в XX веке не имело ничего подобного.

«...Наша теоретическая мысль, — смело заявила она, — все еще не дала точного и удовлетворительного ответа на эти принципиальные вопросы, с позиции которого мы могли бы строить практическую работу по эстетическому воспитанию»¹. И еще:

¹ Живкова Л. Программа эстетического воспитания — масштабная и глубоко гуманная программа // Живкова Л. По законам Красоты. М.: Правда, 1979. С. 9. (Б-ка «Огонек». 1979. № 40).

«Имеется уже немало научных исследований, которые доказывают, что человек умеет ценить и создавать красоту во всех сферах своей жизни в такой степени, в какой он испытывает воздействие красоты и творит красоту в своей непосредственной производственной деятельности. <...> Программа эстетического воспитания создаст все необходимые условия для гармонического развития личности, для проявления творческих способностей каждого члена общества»¹.

Впервые на высокой трибуне партийного съезда зазвучали слова — красота, духовная эволюция, творчество. И не только слова. Теория соединялась с практикой. Впервые в социалистическом государстве культурой руководил не узколобый чиновник, зашоренный идеологическими клише, а свободно мыслящий философ, глубоко проникший в эволюционную концепцию Живой Этики и творчески стремящийся применить ее в государственном строительстве. Людмила Живкова мужественно и публично сбрасывала с себя старую, засохшую и готовую вот-вот разорваться шкуру мертвых и неплодотворных догм и говорила о реальном, не иллюзорном бытии, о месте человека в Мироздании, о непреходящем значении Культуры, не о пресловутой надстройке, согласно марксистской теории, а о Культуре как эволюционной основе человеческого общества и главном условии его продвижения вверх по спирали восхождения.

«Стремление человека, — писала она, — к красивому, прекрасному должно стать жизненной потребностью каждого члена общества. И мы убеждены, что, развиваясь и творя “по законам красоты”, каждый человек и человечество в целом сумеют управлять своей собственной эволюцией»².

Она не только говорила и писала. Она, в отличие от других чиновников, прикрывавших свою бездеятельность цитатами из трудов классиков марксизма, действовала смело и безоглядно. Ее детище — Национальная программа эстетического воспитания, напитанная ее неукротимой энергией, начинала жить и давать свои результаты. Но ее положение «наверху» от этого не становилось прочней, а, наоборот, с каждым днем ослабевало, ибо ее деятельность вызывала раздражение и в Политбюро, и в правительстве. «Белая ворона», талантливая и бесстрашная, действовавшая не «во имя свое», как большинство в верхнем эшелоне власти, а во имя Общего Блага, служила живым укором всем им, каждым своим словом и действием подчеркивая их бесполезность, бездарность и бесчестный уход в собственные интересы. Ситуация с каждым годом обострялась. Уже в Министерстве культуры СССР не скрывали враждебных чувств к «этой ненормальной». Чиновники ощущали опасность, исходящую от мыслей и действий руководителя культуры Болгарии. «Международная солидарность» советских и болгарских чиновников становилась все прочней, все явней и определенной.

Замечала ли она все это? Безусловно, замечала. И слова Святослава Николаевича Рериха о трудностях и опасностях на пути Живковой подтверждали это. Но она уже не могла или, точнее, не хотела ничего менять в своей судьбе. Перед ней, государственным деятелем Болгарии, стояла высокая цель, выше которой она не знала, и эта цель должна была оправдать ее земную жизнь, как бы она ни сложилась. Неотвратимый зов Закона Красоты вел ее за собой, звал в космическую беспредельность грядущей

¹ Живкова Л. Программа эстетического воспитания — масштабная и глубоко гуманная программа // Живкова Л. По законам Красоты. С. 12–13.

² Там же. С. 15

эволюции. «Во имя этого великого идеала, – утверждала она, – во имя будущего человечества и наших детей мы самоотверженно трудимся, творим и стремимся к красоте»¹.

Все чаще и чаще она встречалась со Святославом Николаевичем то в Бангалоре, то в Софии и получала у него нужные ей советы и разъяснения по проблемам Живой Этики. Он был для Людмилы Тодоровны не только Наставником и Учителем, но и опорой в той сложной и трудной обстановке, которая сформировалась вокруг нее. Его слова «не бойтесь и идите вперед» поддерживали ее в самые отчаянные моменты жизни.

Почему-то именно в Болгарии произошел первый практический прорыв новой мысли, новой системы философии, новых подходов к эволюции человечества. И она, Живкова, олицетворяла этот прорыв. Ее уникальный пример еще раз показал, что историю двигают личности, а не массы, которые могут только идти или не идти за этой личностью. Ей были близки и творчество, и подвиги этих личностей, ибо она сама была одной из них. Признавая роль Культуры как преобразующей силы человека и общества, она отмечала: «Самые выдающиеся личности в истории человечества мечтали о расширении воспринимающих способностей человеческого сознания, о проникновении в универсальные тайны Вселенной, о создании красивых, гармоничных взаимоотношений между людьми, о развитии высшей свободной воли, которая сделает человека независимым»². Она была уверена, что именно такой человек сможет «организовывать человеческое сознание по законам красоты»³.

«Воздействие этих личностей, – размышляла она, – на культурное и духовное развитие в наши дни объясняется прежде всего тем, что они обладали духовной силой и способностью творчески переосмысливать и художественно воссоздавать сущность основных процессов и явлений, сопутствовавших развитию человечества. Обладая расширенными воспринимающими возможностями, они проникали в сущность явлений, извлекали опыт прошлого, жили актуальными целями и задачами настоящего, прозревали возможность будущего»⁴.

Она стремилась сразу же реализовать мысль или идею, которую считала важной и полезной. Живкова не только осмыслила деятельность и роль выдающихся личностей в истории человечества, но и вместе с Комитетом культуры разработала долгосрочную программу по изучению и исследованию жизни таких личностей. Она считала, что подобные исследования «откроют ряд общих законов и закономерностей, характерных для сущности самого процесса эволюции человеческого индивида»⁵. В программу Комитета культуры были включены такие имена, как Леонардо да Винчи, Микеланджело, Данте, Шекспир, Гёте, Л.Н.Толстой, Рабиндранат Тагор, А.Эйнштейн, М.В.Ломоносов, Кирилл и Мефодий... Имя же Н.К.Рериха как художника и мыслителя было одним из первых. Людмила Тодоровна глубоко и проникновенно осмыслила деятельность и роль великого русского художника в истории эволюции человечества, в формировании нового мышления XX века. «Монументальное и единое в своей целостности искусство Рериха, – писала она, – заставляет каждого, кто

¹ Живкова Л. Программа эстетического воспитания – масштабная и глубоко гуманная программа // Живкова Л. По законам Красоты. С. 16.

² Там же. С. 19–20.

³ Там же. С. 20.

⁴ Там же. С. 21.

⁵ Там же. С. 21.

с ним соприкасается, переосмысливать и открывать заново истину и величие жизни. Сознание творца освобождено от предрассудков, оно неудержимо в своем стремлении раскрыть тайны природы, воссоздать красоту и вечное движение Вселенной. Он изучает и анализирует прошлое не для того, чтобы отрицать или недооценивать исторический опыт и пройденный человечеством путь в веках, а для того, чтобы напомнить об огненных знаках, которые указывали путь человеку к красоте, свету и бессмертию. Трудно простыми словами определить тот легендарный героизм, которым проникнуто творчество Рериха. В нем сочетаются воедино самые сокровенные вековые чаяния человечества, запечатленные в бессмертных символах и преданиях древности, и удивительное умение творца ассимилировать и преломить в своем сознании героизм прошлого, сделать его актуальным и объединить с острейшими проблемами и задачами своей эпохи. Мысль Рериха парит над вершинами Гималаев, устремляется в сокровенный мир преданий, сливается в неудержимом творческом порыве духа с монологичной в своей целостности Вселенной»¹.

В этой короткой и выразительной оценке Людмилы Живковой Н.К.Рериха содержится все, что можно о нем сказать. Я не знаю ни одного другого такого высказывания, глубокого и проникновенного, охватывающего тот огромный пласт культуры и мысли, которые были связаны с творчеством великого художника и провозвестника нового мышления нашего века.

По инициативе Живковой в Болгарии прошли выставки Николая Константиновича, различные симпозиумы, ему посвященные, и появились книги, которые раньше в этой стране не выпускались. Благодаря ей творчество и наследие Рериха было оценено в Болгарии более справедливо и глубоко, нежели на родине художника. И когда все это читаешь, а надо иметь в виду, что писалось это в социалистической Болгарии, становится больно и обидно за свою страну, которая, освободившись от тоталитарной идеологии, дает возможность различным невежественным журналистам и «ученым» поносить великого человека. Но диалектика жизни свидетельствует о том, что плохое и хорошее идут рядом. Подобные нападки и клевета еще определенной высвечивают путь подвижника и дают нам возможность понять, где действительное подвижничество, а где безответственность и подлость «во имя свое».

Высоты культурно-духовного подвига Живковой не достиг ни один из высокопоставленных российских чиновников, ни один из них, хотя бы приблизительно, не понял, чем является творческое наследие Рериха не только для России, но и для мира в целом.

Живкова была истинной носительницей нового космического мироощущения, поэтому ее оценки Рериха столь точны и глубоки.

«Сегодня наука, – утверждала она, – все смелее говорит об использовании космического научного подхода при исследовании действительности. Широта и многогранность научно-творческих интересов Рериха, диапазон его научных исследований – от изучения древних письменных и архитектурных памятников культуры до исследования влияния и отражения космических лучей и взаимосвязи между человеком и Космосом; созданные им два крупных научных института – институт

¹ Живкова Л. Программа эстетического воспитания – масштабная и глубоко гуманная программа // Живкова Л. По законам Красоты. С. 22.

синтетического исследования искусства в Нью-Йорке и институт синтетических научных исследований в Гималаях в Индии, — закрепляют представление о Рерихе как о предтече и поборнике освоения космического научного метода исследования мира. В науке Рерих видит фактор эволюции человечества. Наука должна быть безграничной и бесстрашной. Каждый, кто работает и реализует себя на поприще науки, должен быть открыт для всего полезного, для всего, что создавалось веками, что хранится в сокровищнице исторического опыта человечества. Духовное кредо Рериха — неустанное развитие и совершенствование, творческое горение, неудержимое стремление к красоте, к прекрасному»¹.

Полагаю, что никаких комментариев к этим словам не требуется. Здесь квинт-эссенция всего того, что было сказано в Живой Этике о науке и чего Н.К.Рерих неустанно придерживался и в своем творчестве, и в своей философии.

Людмила Живкова умела бережно и красиво сказать о самых сокровенных знаниях, содержащихся в Живой Этике, и тем самым защитить эту философскую систему от прямолинейности, пошлости и искажений, на которые щедрны различные «толкователи» и «знатоки».

Вот один из таких примеров. «Высоко поднимаясь над личным, — отмечала она, — Рерих направляет свое внимание на людей, которые выходили за пределы обычного человека и, как любил выражаться художник, превращались в синтетические понятия. Эти мировые понятия содержат в себе духовную силу и отдельных личностей, и целых стран, эпох, народов, событий. Они хранятся и вечно живут в духовной сокровищнице планеты и, как вершины Гималаев, пульсируют и вибрируют в сердце нашей Вселенной — воздействуют, окрыляют, вдохновляют, берегут и напоминают. И в трудные минуты народы всегда обращались к этим выразителям их сущности»². Вряд ли стоит сомневаться, что здесь речь идет об Учителях, направляющих космическую эволюцию человечества. В тех обстоятельствах и в то время она не могла сказать об этом явлении прямо, не подвергнув Рериха нападкам малого сознания. А таких нападков и на нее самое, скрытых и открытых, было предостаточно. Старое сопротивлялось самым жестоким образом. Она чувствовала это на себе и поэтому со знанием собственного горького опыта обращала внимание на этот момент и в судьбе самого Рериха. «Он (Рерих. — *Л.Ш.*), — писала она, — чувствует на своих плечах тяжесть вечной борьбы между силами света и ретроградной косностью, сознательными гасителями вечного огня, ядовитыми излучениями разлагающегося сознания. Великий гуманист и созидатель знает свое место в этой борьбе. Он знает, что никто не имеет права выжидать в гигантском поединке между новым и старым сознанием. Когда планете, человечеству необходима безотлагательная помощь, жизнь, личное достоинство — все должно быть подчинено борьбе»³.

И сама она несла такую помощь делу, за которое была ответственна. Ее положение было высоким и в силу этого самым опасным. Она была открыта со всех сторон, и ей нигде было в случае беды укрыться и не за кого спрятаться. Она понимала, что те,

¹ Живкова Л. Программа эстетического воспитания — масштабная и глубоко гуманная программа // Живкова Л. По законам Красоты. С. 24.

² Живкова Л. Праздник культуры (Речь на открытии выставки, посвященной Николаю Рериху) // Там же. С. 30.

³ Там же. С. 31.

которые обогнали свое время на этой земле, оказывались самыми незащищенными и что она, следующая за ними, подвержена самым страшным неожиданностям, самым подлым нападениям.

«Уместно задать вопрос, – писала она в одной из статей, – из каких же источников черпали свою силу и мужество эти люди? Какая причина заставила их идти против течения, тех очевидных условий, в которых развивалось общество и остальные индивиды, чтобы раскрыть объективно существующие законы и закономерности природы, человеческой и общественной практики?»

Ответ на эти вопросы может быть только один: реальное знание самих этих законов и процессов, осознание необходимости движения, понимание неизбежности эволюции, как и высокая моральная ответственность за судьбы человечества, бескорыстная самоотверженность и любовь к своему делу во имя торжества истины, красоты и гуманности»¹.

Она писала о том, что чувствовала сама, о чем сама размышляла и к чему имела личное отношение. Она как бы еще раз проверяла себя этими словами и ощущениями, спрашивая себя, во имя чего она все это затеяла. Ответ был всегда один и тот же – во имя других, во имя будущего. Значит, надо было продолжать, несмотря ни на что. Пусть те, другие, еще не осознают, что она от них хочет. Но придет время, и они поймут, что надо делать и для чего надо это делать. Однако в настоящем надежд на такое понимание не было. Круг людей, окружавших ее на верхах болгарского государства, был ненадежен. Тех, кто искренне поверил ей, можно было перечесать по пальцам. Другие же просто приспособивались под ее взгляды, стараясь извлечь из ситуации хоть кратковременную, но выгоду. Такие поддакивали и кивали головами, как бы соглашаясь с тем, что она говорила и что делала, но глаза их прятались где-то в глубине, и трудно было определить по ним, искренни ли произносимые ими слова. Большинство же чиновников распускали о ней дурные слухи, рассказывали анекдоты и старались задерживать как можно дольше реализацию ее идей. Государство сопротивлялось этим идеям, не понимало их и не принимало.

Ее отец Тодор Живков старел и уже не мог удержать в своих слабеющих руках прежнюю власть. Он не мог быть ей опорой. Да и был ли он когда-либо такой опорой? Она сомневалась в этом все больше и больше.

Даже потом, спустя более десяти лет после того, как ее не стало, когда социалистический строй Болгарии рухнул, ее прежние соратники боялись о ней говорить. Летом 1992 года я была в командировке в Болгарии по своим делам и встречалась с некоторыми из них. На мои вопросы о Людмиле Живковой они отвечали неохотно, старались по большей части от молчаться. На ее имя был наложен негласный запрет, и, казалось, кто-то невидимый и могучий держал этот запрет под строгим контролем. Среди моих собеседников были творческие работники, деятели культуры, ученые, но все они как будто сговорились между собой и свято блюли принцип – «молчание – золото». Они отталкивали от себя ее идеи, избегали оценок и с облегчением переходили на обсуждение других вопросов, не имевших к Живковой никакого отношения. Во всем этом были какие-то темные, недосказанные отголоски борьбы против человека, который стремился изменить государственные принципы Болгарии,

¹ Живкова Л. По законам Красоты // Живкова Л. По законам Красоты. С. 42–43.

сделать их более светлыми, красивыми и человечными. Видимо, Живковой этого до сих пор не простили. И не только те государственные чиновники, которые выступали, открыто или скрыто, против нее, но и те, кто, называя себя деятелями культуры, не постигли сущности этой культуры и так и не поняли, чего хотела от них их великая, до сих пор не признанная ими подвижница, несколько лет руководившая культурой Болгарии на государственном уровне.

Вряд ли можно сказать, что она не ощущала и не видела собравшихся над ее головой грозных туч. Темнота сомкнутыми рядами пошла на нее в наступление, чтобы не только ее уничтожить, но и стереть какие-либо следы ее деятельности и, опорочив память о ней, предать ее небольшое, но яркое наследие забвению. Ведь она, Живкова, покусилась на государство, стараясь его изменить согласно тому новому, что уже сформировалось в мысли и пространстве XX века. Мы до сих пор не знаем, как она умерла. Слова «при загадочных обстоятельствах» ничего нам не говорят. Ей было всего 39 лет, и она находилась в расцвете сил. Она сверкнула, подобно огненному метеору на темном небосклоне своей Родины, как светлый знак грядущей новой эпохи. В высоте не существует забвения. И как бы ни старались здесь, внизу, о ней забыть, у них ничего не получится. Таких не забывают. И я бы хотела закончить эту небольшую статью о Людмиле Живковой, подвижнице и мыслителе, стремившейся внедрить новое в самую консервативную структуру – государство – и погибшей на этом благородном и светлом пути, ее же словами:

«Пример всесторонне развитых личностей, тысяч известных и безымянных творцов и героев всех стран и народов вечно будет жить в памяти человечества. На всех трудных решающих исторических этапах развития мира, на поприще культуры или искусства, науки или общественной деятельности человечество рождало личности, которые своим сознательным самопожертвованием поднимали красные знамена победы и двигали эволюцию вперед»¹.

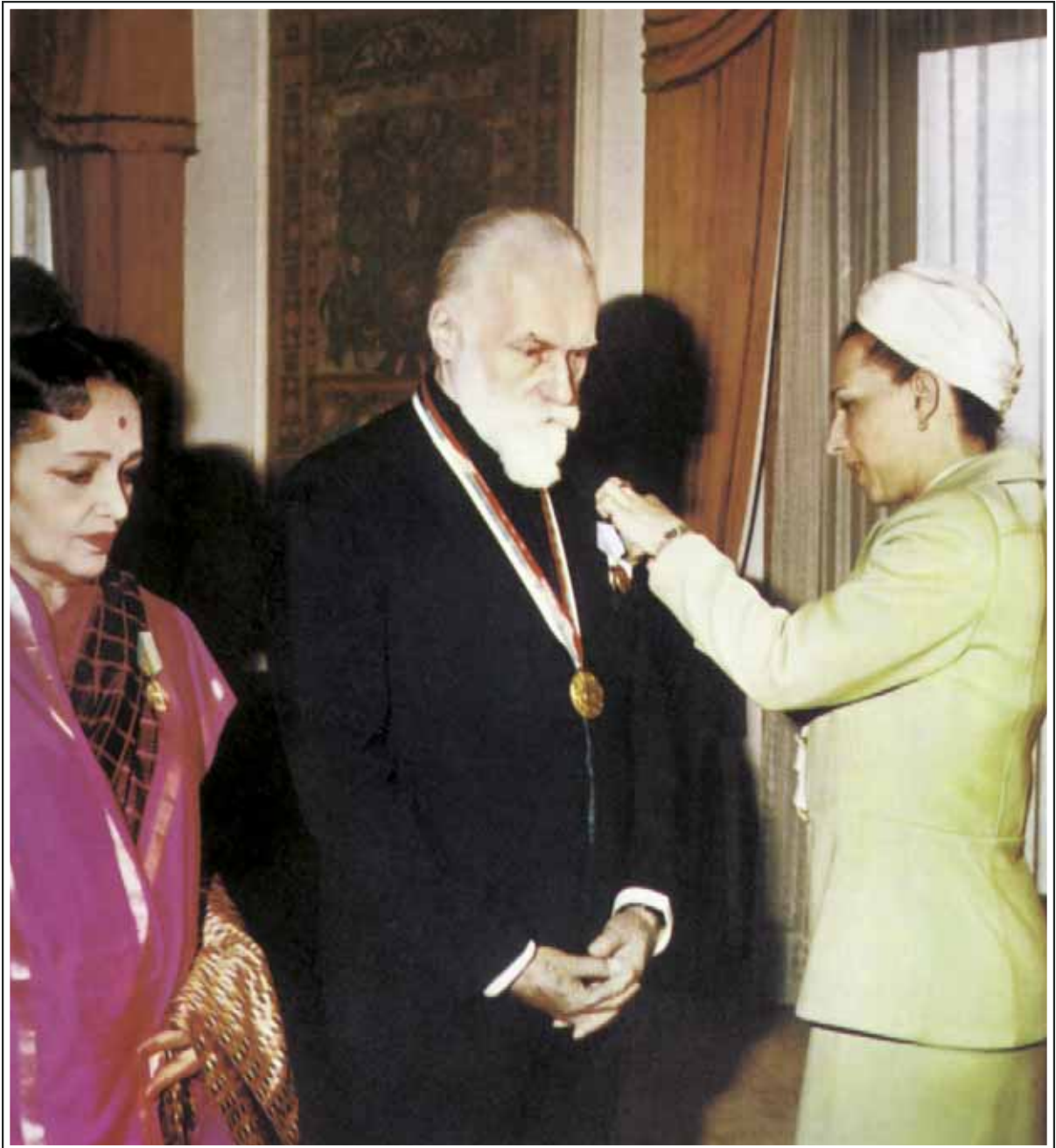
И пусть не смущает читателя «красное знамя». Дело не в цвете, а в существовании эволюционного творчества,двигающего человечество вперед. Цвет же знамени каждый выбирает себе сам. И выбор этот надо уважать. В 1979 году в Москве усилиями тех, кто в то время был связан с нелегальным рериховским движением, была издана небольшая книжечка статей Людмилы Живковой.

С тех пор в нашей стране произошло немало изменений, и вклад Живковой в новое планетарное мышление обрел новое и интересное звучание. Ибо личности, подобные ей, становятся больше и значительней по мере истечения времени. Сейчас пришла необходимость напомнить о Живковой и по-новому осветить то, что она успела сделать за свою короткую подвижническую жизнь. Полагаю, тем, кто исследует российское и мировое культурное наследие, прочесть работы Людмилы Тодоровны Живковой будет крайне полезно. А тем, кто интересуется проблемами духовно-культурной эволюции человечества, эти статьи откроют новую страницу в ее истории. И, конечно, при чтении надо учитывать, в каких обстоятельствах, исторических и идеологических, жила и творила их создательница.

¹ Живкова Л. Преобразующая сила культуры // По законам Красоты. С. 27.

119. Людмила Тодоровна Живкова. 1970-е

*120. Л.Т.Живкова вручает С.Н.Рериху медаль, выпущенную к 100-летию независимости Болгарии.
Слева: Девика Рани Рерих. Май 1978 г.*

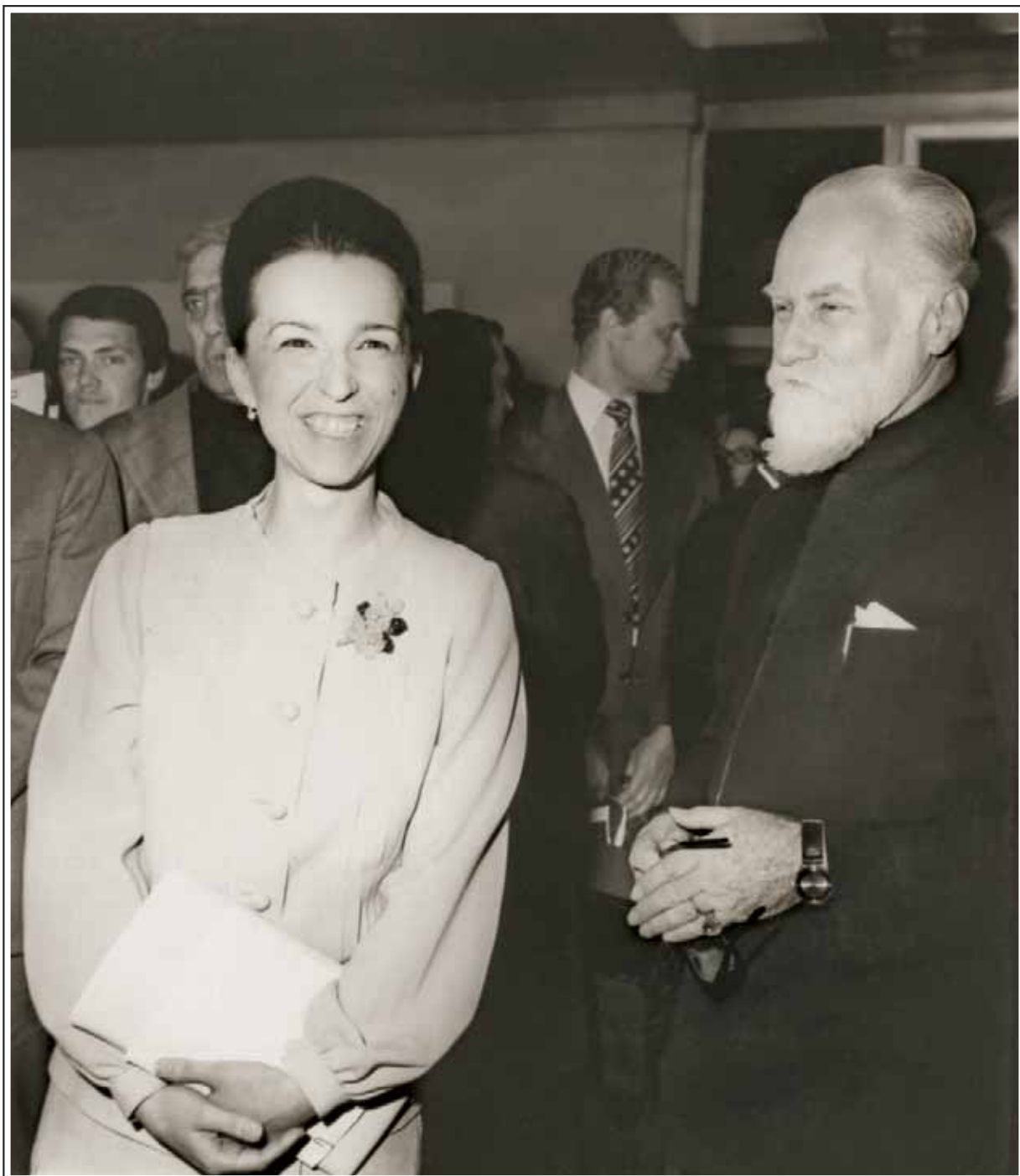

121. Л.Т.Живкова поздравляет С.Н.Рериха с вручением медали, выпущенной к 100-летию независимости Болгарии. Май 1978 г.

122. С.Н.Рерих и Л.Т.Живкова на открытии выставки произведений С.Н.Рериха в Софии (Болгария). 1978

123. С.Н.Рерих и Л.Т.Живкова на выставке произведений С.Н.Рериха в Софии (Болгария). 1978

124. С.Н.Рерих и Л.Т.Живкова на открытии выставки произведений Н.К.Рериха в Софии (Болгария). 1978

125. Л.Т.Живкова, Девика Рани Рерих и С.Н.Рерих на выставке произведений Н.К.Рериха в Софии (Болгария). 1978